

Т. И. ТЕПЛЯШИНА И ПЕРМСКОЕ ЯЗЫКОЗНАНИЕ

В. К. Кельмаков (*Ижевск*)

Т. И. Тепляшиной – 80 лет

Тамара Ивановна Тепляшина, кандидат филологических наук, автор свыше сотни научных трудов, ветеран войны, некогда счастливая супруга и коллега В. И. Лыткина, ныне мать двоих детей и (пра)бабушка многих (пра)внуков-(пра)внучек, является знаковой фигурой в удмуртском языкознании, ибо с ее именем и научной деятельностью связано возрождение к развитию на новом этапе ряда отраслей удмуртской лингвистики: диалектологии, ономастики и изучения памятников ранней письменности.

Путь в лингвистическую науку для Тамары Ивановны Тепляшиной, как и для многих молодых людей предвоенного времени, оказался весьма трудным и извилистым. Родилась она 9 марта 1924 г. в д. Малая Кизня (*Пичи Кизьна*) Дебесского района Удмуртской автономной области (впоследствии Удмуртская АССР и Удмуртская Республика) в крестьянской семье. В 1931–1934 гг. училась в начальной школе в своей родной деревне, в 1934–1937 гг. – в Усть-Лемской неполной средней школе. Получив семилетнее образование, она перебралась в Ижевск, и здесь начались для нее трудовые будни (с трехлетнего возраста лишилась отца); одновременно училась в школе рабочей молодежи. В 1941 году поступила на литературный факультет Удмуртского педагогического института. Но недолго длилась ее студенческая жизнь в Ижевске – в декабре 1942 г. она 18-летней девушкой ушла на фронт и всю войну (до января 1946 г.) служила зенитчицей в различных воинских частях (вначале на Карельском фронте и затем на Дальнем Востоке). Страстное желание получить высшее филологическое образование привело ее в сентябре 1946 г. – после недолгой учебы в Удмуртской областной партшколе в Ижевске – на финно-угорское отделение восточного факультета Ленинградского университета им. А. А. Жданова. Здесь в полной мере раскрылся ее интерес к различным языкам. В 1949 г. с защитой дипломной работы на тему “Из истории спряжений пермских языков” (Ленинград, 1949) она закончила университет и возвратилась в Ижевск. Начав свою трудовую деятельность на поприще лингвистики как лексикограф (она некоторое время, будучи младшим научным сотрудником Уд-

муртского научно-исследовательского института при Совете Министров Удмуртской АССР, участвовала а составлении “Русско-удмуртского словаря” [РУСл. 1956]), Т. И. Тепляшина по счастливому стечению обстоятельств оказалась аспиранткой в Институте языкознания АН СССР (сектор финно-угорских языков)¹. В 1952–1955 гг. она под руководством известного финно-угроведа, диалектолога и фонетиста В. И. Лыткина написала кандидатскую диссертацию на тему “Тыловайский диалект удмуртского языка”, успешная защита которой состоялась в 1955 году. Проработав несколько лет ассистентом на кафедре русского языка Рязанского педагогического института, в 1959 г. она вернулась в Москву и с сентября этого года вплоть да самого выхода на пенсию работала в Институте языкознания АН СССР, вначале младшим, а затем старшим научным сотрудником сектора/лаборатории финно-угорских языков.

В своем многолетнем труде “Тыловайский диалект удмуртского языка” [Тепляшина 1955; 1955а] Т. И. Тепляшина описала фонетические и морфологические особенности одного из северных говоров удмуртского языка (родного для самой диссертантки) с применением элементов экспериментальной фонетики – рентгено снимков – и тем самым положила начало широкомасштабному исследованию в новых условиях фонетики удмуртских диалектов с помощью различных инструментальных методов² на диссертационном уровне [Тараканов 1958; 1959], [Акмаров 1965; 1965а], [Денисов 1980; 1980а], [Краснова 1985; 1985а], [Воронцов 1999], [Белова 2000; 2000а] и др.

Однако научная значимость данного труда, положившего начало **первому – ведущему – направлению** в научной деятельности Т. И. Тепляшиной, и для удмуртского языкознания оказалась более существенной, чем просто синхронное описание одного из говоров. Дело в том, что удмуртская научная диалектология, зародившаяся в середине XIX в. работой Ф. Й. Видеманна “К изучению диалектов удмуртского языка”

¹ Весьма примечательно, что данный академический институт сыграл огромную роль в развитии удмуртского языкознания – здесь обучались в аспирантуре и защитили кандидатские диссертации, помимо Т. И. Тепляшиной, ныне доктора наук В. К. Кельмаков, Р. Ш. Насибуллин, А. Ф. Шутов, кандидаты наук Б. И. Каракулов, Л. Е. Кириллова (Зверева).

² Экспериментальное исследование отдельных фонем удмуртских диалектов впервые было предпринято венгерским фонетистом Й. Балашшой [Balassa 1915–1916]; результаты его исследований были позднее использованы Д. Р. Фокош-Фуксом при подготовке к изданию фольклорно-диалектологических текстов Б. Мункачи [Munkácsi 1952: XXVIII–XXXII].

[Wiedemann 1858], развивалась на I этапе своей истории (1858–1928 гг.) преимущественно в “прагматическом” направлении – собирания и издания образцов бытовой и поэтической речи и составления диалектологических словарей, а второй период (1929–1954 гг.) характеризовался застоем в изучении удмуртских диалектов, обусловленным не только крайне неблагоприятной для творческой деятельности ученых “политической обстановкой в нашей стране и положением СССР на международной арене” [Кельмаков 1972: 28], но и необходимостью направить небольшие наличные языковедческие силы “на составление нормативных грамматик и словарей, что подсказывалось задачами языкового строительства молодой социалистической республики. ... В силу этого диалектологическая работа оказалась... на втором плане и начала разворачиваться очень поздно” ([Тепляшина 1963: 291], см. также: [Кельмаков 1972: 28]). Именно рукописная монография Т. И. Тепляшиной положила начало целой серии диссертаций на диалектологическую тему, выполненных и защищенных в дальнейшем И. В. Таракановым [1958; 1959], В. К. Кельмаковым [1969; 1970], С. К. Бушмакиным [1971; 1971а], Р. Ш. Насибуллиним [1973; 1973а], Б. Ш. Загуляевой [1980; 1980а], Л. Л. Карповой [1997] и др. Таким образом, работа “Тыловайский диалект удмуртского языка” оказалась не только блестящей путевкой для ее автора в удмуртскую диалектологию, но и ознаменовала собой начало III этапа истории науки об удмуртских диалектах – так называемого “теоретического” периода ее развития (1955–)³.

Сама Т. И. Тепляшина опыт диалектолога, приобретенный при работе над диссертацией, использовала для изучения ряда других удмуртских говоров как северного наречия – куда, как известно, входит и тыловайский диалект (глазовского [Лыткин, Тепляшина 1959], нижнечепецкого [Тепляшина 1964; 1970а]), так и южного (шошминского [Тепляшина 1961], закамских [Тепляшина 1966в; 1969б]) и бесермянского наречий (см. ниже), а также промежуточных срединных говоров (верхнеижских [Тепляшина 1973]) и др. Кроме того, ею “в целях планомерного изучения удмуртских говоров” [Тепляшина 1963: 292] составлена и

³ “С середины 50-х годов в истории удмуртской диалектологии отчетливо наметился третий, **теоретический**, период (с 1955 г. по наше время), начало которого ознаменовалось завершением первого монографического исследования – защитой кандидатской диссертации Т. И. Тепляшиной «Тыловайский диалект удмуртского языка» [Кельмаков 1992а: 29; см. также: Кельмаков 1998: 39]. “Т. И. Тепляшина является одним из зачинателей теоретической разработки и описания удмуртских диалектов, т. к. до нее шли работы лишь по собиранию образцов речи по тем или иным диалектам” [Тараканов 1994: 3].

издана “Краткая программа-вопросник по собиранию сведений об удмуртских диалектах” (первоначальный рукописный вариант – в соавторстве с В. И. Лыткиным) [Тепляшина 1966], значительно облегчившая работу других удмуртских диалектологов по сбору языкового материала в полевых условиях.

Центральное место в творчестве Т. И. Тепляшиной как диалектолога занимает, естественно монография “Язык бесермян” [Тепляшина 1970] – ее *радость* и *боль*, *взлет* и *падение* одновременно. Работа была написана на основе глубокого изучения почти всех письменных источников и исследований о бесермянах и их языке, с одной стороны, и собранного ею в течение многих лет в полевых условиях фактического диалектного материала на территории современного (в 60-х гг. XX в.) проживания различных групп бесермян, – с другой. Рассматриваемая книга состоит из “Введения” (с. 5–58), содержащего обзор различных гипотез об их загадочном и вплоть до сегодняшнего дня не разгаданном этногенезе, сведений о былом и современном расселении бесермян, и истории изучения их языка; раздела “Фонетика” (с. 59–168); большей части “Морфологии” (с. 169–241); “Заключения” (с. 242–244); “Списка литературных источников” (с. 245–249); “Приложения” в виде образцов речи в транскрипции на латинской графической основе с параллельным переводом их на русский язык (с. 250–284) и “Условных сокращений” (с. 285–287). С сожалением приходится констатировать, что часть морфологии (разделы о причастиях, деепричастиях, наречиях и служебных частях речи) и словарь данного наречия до сих пор не изданы.

Тем не менее эта книга оказалась не только первой опубликованной “монографией”, посвященной описанию конкретного удмуртского диалекта, но и энциклопедически богатым по охвату языкового (в первую очередь, лексического и фонетического) материала изданием. Включенный в книгу неисчерпаемо обширный материал, отражающий состояние говоров бесермянского наречия в 60-е гг. XX столетия, представляет собой хорошую эмпирическую базу для современных и будущих исследований, в той или иной степени касающихся языка бесермян. По моему глубокому убеждению, именно прагматический материал, представленный автором в книге “Язык бесермян” и в ряде публикаций автора по этой теме в виде статей и тезисов к докладам [Тепляшина 1963; 1966а; 1970б; 1971а; 1971б; 1975; 1975г; и др.], более значителен, чем теоретическая интерпретация их и те выводы, которые сделала автор на их основе. В первую очередь, именно благодаря добротному фактическому материалу эта книга навсегда вошла в «золотой фонд» удмуртского языкознания, принесла *радость* не только автору, но и для всех нас

и составляя *взлет* в научном творчестве Т. И. Тепляшиной в области диалектологии. Не случайно эта работа в целом получила весьма высокую оценку коллег-современников: "... книгу делает интересной попытка автора комплексно решить проблему, первенство в области собирания материала, с точки зрения частностей уже упомянутая мелочность. Мы уверены в том, что "Язык бесермян" станет хорошим руководством для познания диалектной системы удмуртского языка" [Szi] 1972: 256]; "Богатое по содержанию и интересное исследование Т. И. Тепляшиной – образец для изучения других диалектов, значительный вклад не только в удмуртское, но и финно-угорское языкознание" [Калинина 1973: 74]; "Работа, требующая большой точности, проведена квалифицированно, систематически и с достаточной полнотой, что дает право положительно оценивать исследование в целом... Трудоемкая работа намного продвинула вперед дело изучения удмуртского языка" [Алвре 1976: 150, 153].

Правда, те же самые рецензенты книги отмечают и ряд ее пробелов, упущений и ошибок (см.: [Szi] 1972: 256; Алвре 1976: 150–153)), среди которых наиболее серьезным, на мой взгляд, является все же излишнее увлечение автора гипотезой о тюркском происхождении бесермян и о "каком-то тюркском", "древнетюркском", "древнебулгарском", "древнечувашском" и т. д. субстрате в их языке. Если те историко-фонетические и этногенетические выводы, к которым приводит нас автор на основе собранного ею и представленного в монографии материала, не всегда соответствуют действительности, причиной является, на мой взгляд, не только/не столько то, что в пространстве исторической фонетики удмуртского языка к тому времени, когда писалась книга "Язык бесермян", "белых пятен" было значительно больше, нежели "окрашенных"; и Тамаре Ивановне не всегда удавалось самостоятельно решать множество исторических проблем фонетики языка бесермян, но и/столько то, что автор, подвластная *idea fixa*, абсолютное большинство особенностей фонетики бесермянского языка без всякой попытки внутрисистемного объяснения причин и времени их происхождения с порога относил к результатам влияния субстрата даже в тех случаях, когда эти явления легко могли бы быть диахронически интерпретированы как дальнейшее развитие праудмуртской фонетики в специфически бесермянских условиях и не всегда соотносимы с особенностями языка-субстрата⁴.

⁴ Неперспективность объяснения особенностей исторического развития языка "с помощью субстрата сводится... к отсылке от непонятного к неизвестному", как образно выразился В. М. Жирмунский [1956: 93].

Яркий пример тому – падение в отдельных бесермянских говорах фонемы \ddot{o} ($e <$ праудм. $*\ddot{o}$), которое объясняется автором как результат влияния “какого-то” [Тепляшина 1970: 78], “тюркского (по-видимому, древнебулгарского)” [Тепляшина 1970: 165], “иноязычного (тюркского)”, “булгарского (древнечувацкого)” [Тепляшина 1970в], “древнебулгарского” [Тепляшина 1975: 566–567] и т. д. субстрата, хотя собственно “древнебулгарский” (= “древнечувацкий”, по мнению автора) язык, будучи языком с развитой гармонией гласных по ряду и лабиальности, устойчиво сохранял в своей вокалической системе переднерядный огубленный гласный \ddot{o} ⁵ (весьма напоминающий собой прабес. $*\ddot{o}$), сингармонически противопоставляемый гласному заднего ряда o ; следовательно, оппозиция $\ddot{o} - o$ коррелятивно соотносилась с сингармоническими парами $i - \ddot{i}$, $\ddot{u} - u$, $\ddot{a} - a$ [Хакимзянов 1987: 45]). Разумеется, (древне-)булгарский язык, имевший в вокалической системе гласный \ddot{o} , никак не мог “субстратно” влиять на язык бесермян в направлении утраты последним этого самого гласного \ddot{o} ($e - \ddot{o}$), которая в наше время легко объясняется закономерными фонетическими процессами, в той или иной степени охватившими все удмуртские диалекты (см.: [Кельмаков 1975; 1992]). Аналогичным образом, вопреки мнению Т. И. Тепляшиной, диахронически могут быть объяснены без апелляции к какому бы то ни было субстрату очень многие различительные признаки бесермянской фонетики, напр.: палатализация зубных $n (= \ddot{n})$, $\ddot{d} (= \ddot{d})$, $m (= \ddot{t})$, $c (= \ddot{s})$ и альвеолярного $l (= \ddot{l})$ в соседстве (в окружении) переднерядных гласных $i (= \ddot{i})$ и $e (= \ddot{e})$; утрата велярных аффрикат $\ddot{ʃ} (= \ddot{ʃ})$ и $\ddot{č} (= \ddot{č})$, озвончение этимологических глухих смычных согласных в интервокальном положении и в соседстве с сонорными согласными [Кельмаков 1985], замена шипящих $\ddot{ʒ} (= \ddot{ž})$ и $\ddot{ʃ} (= \ddot{š})$ свистящими $z (= z)$ и $s (= s)$ [Серебренников 1972] и т. д. Следовательно, именно в плане историко-теоретической интерпретации фонетического материала бесермянского языка и заключается, на мой взгляд, слабая сторона рассматриваемого труда Т. И. Тепляшиной – ее *боль* и *падение*, если можно так выразиться⁶.

⁵ “ \ddot{O} – полуширокий лабиальный гласный переднего ряда”, ср., напр.: *ölti* ‘он умер’, *öksüzlär* ‘сироты’, *özäge* ‘его сердцевина, центр’, *tört ~ törüt* ‘четыре’, *könel* ‘сердце’, *körke* ‘его красота’ [Хакимзянов 1978: 56; 1987: 43–44].

⁶ Из более конкретных недостатков книги венгерским финно-угроведом Э. Сий – с моей точки зрения, весьма справедливо – отмечены следующие: “Недовольство всем, а объективность говорит нам, что из-за непропорциональности книги между объемом и содержанием – в определенных случаях излишней мелочности, а в других случаях бегло предпринятых, должным образом не аргументированных или частичных замечаний, описательства, неточности-поня-

Последняя крупная работа Тамары Ивановны Тепляшиной в рассматриваемой области – это ареальное описание удмуртских диалектов, выполненное по общему плану лаборатории финно-угорских языков Института языкознания АН СССР. В результате стечения неблагоприятных обстоятельств эта монография до сих пор находится в рукописи⁷, и долг современных удмуртских лингвистов – довести ее до рядового читателя.

Вторая отрасль удмуртского языкознания, в которой Тамара Ивановна явилась также своеобразным пионером, – это ономастика, которая начала интенсивно развиваться в нашей стране в 50–60-е гг. XX столетия. Юбиляр оказалась на гребне этой волны не только потому, что начало сознательной научной деятельности ее хронологически совпало с возрождением ономастики в СССР, но и по той простой причине, что Т. И. Тепляшина смогла удачно совместить свои диалектологические изыскания в полевых условиях с ономастическими. Свидетельством тому служит хотя бы тот простой факт, что из более чем трех десятков опубликованных статей по топонимике (ср., напр.: [Тепляшина 1967; 1968; 1968а; 1970д; 1970ж; 1975а; 1977; 1997; и др.]), антропонимике [Тепляшина 1969; 1969а; 1970г; 1970е; 1970и; 1971д; и т. д.] и этнонимике [Тепляшина 1967а; 1968б; 1970з; 1971в; и др.] абсолютное большинство связано с той территорией проживания удмуртов, говоры которых она исследовала. Фундаментальной работой автора в этой области удмуртской (и пермской) лингвистики явилась монография “Антропонимические модели пермских языков” [Тепляшина 1978], источником для которой послужили: (1) “для раннего периода – писцовые и переписные книги XV–XVII вв., в которых перечисляются населенные пункты, указывается национальный состав жителей селений, отмечается принадлежность дворов представителям той или иной народности, во многих регистрируется все наличное количество лиц мужского пола...”; (2) “для более позднего периода были использованы различные материалы, собранные исследователями XIX–XX вв., а также Списки населенных мест по губерниям второй половины XIX – нач. XX в.”; (3) “современная антропонимия удмуртов, коми и коми-пермяков прослежена на материалах похозяйственных книг”, а также по сведениям, собранным

тий – книга в целом оставляет после себя желать много лучшего” [Szi] 1972: 256].

⁷ Аналогичные исследования по коми [Баталова 1982], эрзя-мордовскому [Ермушкин 1984] и марийскому [Коведяева 1987] языкам своевременно были изданы.

ею самой “на местах во время командировок в районы расселения пермских народов” [Тепляшина 1978: 18].

Эта монография удмуртского языковеда получила в целом хороший отзыв рецензента: “Хотя и были опубликованы отдельные исследования по удмуртским, коми и коми-пермяцким личным именам, не оказалось работы, которая бы имела обобщающий характер. И Т. И. Тепляшина хотела восполнить этот пробел своей книгой («Антропонимические модели пермских языков»)", что явилась “ценным вкладом в литературу о личных именах, используемых финно-угорскими народами, проживающими в Советском Союзе, поскольку только несколько подобных исследований появилось за последнее время” [Simm 1980: 231, 232].

Огромная заслуга Т. И. Тепляшиной как ономаста перед удмуртским языковедением заключается еще и в том, что она своими трудами и энтузиазмом “заразила” наукой о собственных именах более молодых лингвистов – Г. А. Архипова, С. К. Бушмакина, С. В. Соколова, Р. Ш. Насибуллина, В. К. Кельмакова и др., которые, хотя и не стали ономастиологами, тем не менее стали известны в этой области удмуртской лингвистики рядом своих публикаций. Не без ее прямого или косвенного влияния избрали в качестве основной своей специализации именно ономастику ныне доктор филологических наук М. Г. Атаманов и кандидаты филологических наук Л. В. Вахрушева и Л. Е. Кириллова.

Третье направление в удмуртской лингвистике, в которой Т. И. Тепляшина добилась определенных успехов и тем самым подвинула молодое поколение языковедов на дальнейшее его развитие – это изучение и публикация ранних памятников удмуртской письменности. В этой области, помимо нескольких статей [Тепляшина 1965а; 1971; 1973а], ею издана книга “Памятники удмуртской письменности XVIII века” [Тепляшина 1965], включающая свыше 10 наиболее ранних документов: удмуртских материалов Ф. И. Страленберга (с. 25–29), Г. Ф. Миллера (с. 30–64), И. Е. Фишера (с. 65–70), П. С. Палласа (с. 71–115), П. Фалька (с. 116–120), В. Пудек-Григоровича [Соч. 1775] и Дамаскина (Д. Семенова-Руднева) (с. 121–224), Ф. Аделунга (с. 229–233), М. Могилина (с. 234–293), а также два стихотворения – в честь посещения Екатериной II г. Казани (с. 225) и в честь открытия Казанского наместничества (с. 226–229). Автор данной книги не просто издает впервые или переиздает ранние письменные памятники удмуртского языка, но и сопровождает эти материалы с историей их составления и первоначальной публикации, снабжает весьма квалифицированными комментариями графического, фонетического и диалектологического характера с привлечением данных из современных удмуртских говоров и литера-

турного языка, а в некоторых случаях и родственных языков, в необходимых случаях производит расшифровку неясных слов и их форм.

Непреходящее значение данной работы Т. И. Тепляшиной заключается в том, что, во-первых, совершенно не доступные для большинства ученых и рядовых читателей ранние письменные документы сделала достоянием широкого круга исследователей и пользователей⁸; во-вторых, дала начало целой серии изданий и переизданий ранних памятников удмуртской письменности: первой удмуртской грамматики [Соч. 1775], словаря Захарии Кротова [Кротовъ 1785], грамматики М. Могилина [Могилинъ 1786], первопечатных книг на глазовском [Еванг. Гл. 1847] и сарапульском [Еванг. Сар. 1847] наречиях удмуртского языка и др.

Огромная роль Т. И. Тепляшиной в интенсификации этой области удмуртского языкознания состоит еще в том, что в свое время были сняты ею в различных книгохранилищах страны копии с ряда ранних рукописных документов и переданы в архивный фонд Удмуртского научно-исследовательского института и тем самым значительно облегчив их издание.

Научный опыт, приобретенный Т. И. Тепляшиной в работе над кандидатской диссертацией и в исследовании частных проблем, позволил ей в дальнейшем переходить на выполнение тем общего и обобщающего характера. К таковым я мог бы отнести, напр., глав “Фонетика” и “Графика” 1-го тома научной грамматики удмуртского языка [ГСУЯ 1962: 5–55], написанных совместно с В. И. Лыткиным (думается, что соавторское с профессором В. И. Лыткиным исполнение ряда работ оказалось хорошей школой для удмуртского лингвиста); главы “Удмуртский язык” в коллективном труде “Языки народов СССР. Т. 3: Финно-угорские и самодийские языки” [Тепляшина 1966б]; раздел “Пермские языки” в трехтомном обобщающем исследовании “Основы финно-угорского языкознания” [Тепляшина, Лыткин 1976]; статей об истории удмуртской графики [Тепляшина 1965а], по диалектной и исторической морфологии [Тепляшина 1975б; 1975в; 1981] удмуртского языка, а также по истории удмуртского и финно-угорского языкознания в форме рецензий на диссертации своих младших коллег [Тепляшина 1971г; 1972а;

⁸ “Выход в свет первого выпуска «Памятников удмуртской письменности XVIII века» – значительное событие в области удмуртской лексикологии и лексикографии. С появлением его широкий круг удмуртского населения получил возможность ознакомиться с литераурой, относящейся к раннему периоду развития удмуртской письменности, а в руки языковедов попал благодатный материал для сравнительного изучения отдельных вопросов исторической грамматики и диалектологии пермских языков [Тараканов 1967: 60].

] и статей, анализирующих творческую деятельность специалистов в области финно-угроведения [Тепляшина 1979; 1987] и др.

Своего рода “лебединой песней” юбиляра стала ее работа “Типологическая эволюция структуры прафинно-угорского корня в пермских языках”, выполненная в рамках коллективной темы лаборатории финно-угорских языков Института языкознания АН СССР [Тепляшина 1978а]. Здесь автор на достаточно репрезентативном этимологическом материале анализирует парадигматические и синтагматические фонемные изменения, имевшие место на путях преобразования фонетической структуры финно-угорского праязыкового корня в прапермскую, среди них: 1) отпадение конечных гласных финно-угорской основы и появление массы односложных непроемных основ различной фонетической структуры (CVC, CV и др.) (с. 266–270); 2) случаи сохранения древних конечных гласных в удмуртском языке при отпадении их в коми (с. 270–274); 3) отпадение финальных согласных основы, обнажившихся после исчезновения ауслатных гласных основы (с. 275–281); 4) озвончение финно-угорских глухих согласных в различных позициях прапермской основы (с. 281–300); 5) изменение гласных первого слога финно-угорской непроемной основы на базе прапермского языка-основы (с. 300–313) и т. д. Небольшое место в работе занимают фонетические процессы, характерные для пермского праязыка и отдельных удмуртского и коми языков (с. 314–325). Эта работа знаменательна в творчестве ученого в нескольких отношениях:

во-первых, она совместно с предшествующими пробными статьями и тезисами автора по исторической фонетике удмуртских диалектов (“Подмена шипящих звуков свистящими в языках Волго-Камья” [Тепляшина 1971а], “Об одном волжско-камском ареальном явлении” [Тепляшина 1972], “Исторические изменения фонетики пермских языков – признаки диалектного членения” [Тепляшина 1973б], “Die Realisierung des Lautes *j in den udmurtischen Mundarten” [Тепляшина 1973]) наметила возникновение в лингвистическом творчестве юбиляра появление **четвертого направления** – историко-фонетического;

во-вторых, эта работа продемонстрировала творческую зрелость исследовательницы, готовность Т. И. Тепляшиной браться за решение серьезных историко-фонетических вопросов удмуртского (и пермского) языкознания. Этому в немалой степени способствовали владение ею важнейшей источниковой базой (фонетикой современного удмуртского литературного языка, материалами диалектов и ономастики, сведениями из ранних письменных памятников, результатами контактирования удмуртского языка с соседними в сфере терминов родства и ономастики

(ср., напр.: [Тепляшина 1966а; 1966в; 1973в и др.]) и т. д.); богатый опыт научного исследования различных уровней (фонетического, лексического, морфологического) системы удмуртского языка; знание фундаментальных трудов в области финно-угроведения, тюркологии и русистики; умение оценивать диссертационные работы своих коллег – В. К. Кельмакова “Кукморский диалект удмуртского языка” (1971), С. К. Бушмакина “Фонетические и морфологические особенности средне-восточных говоров удмуртского языка” (1972), Б. Ш. Загуляевой “Прикильмезские говоры удмуртского языка” (1981) и, возможно, не в последнюю очередь, бескорыстная помощь со стороны профессора В. И. Лыткина в виде консультаций в ходе выполнения ею исследовательских работ и редакторской правки готовой к публикации научного исследования;

в-третьих, этот же труд свидетельствует также и об определенной скованности Тамары Ивановны при выдвигании проблем по истории языка и самостоятельном их решении, о бóльшей, чем следовало бы, зависимости от ранее опубликованных работ в данном направлении. Это проявляется также и в том, что автор в данной работе нередко фиксирует те или фонетические изменения определенного периода без объяснения причин их появления, напр.: делабиализацию прапермских гласных **o* и **i* (с. 314–315); лабиализацию гласных непервого слога слова в удмуртском языке (с. 319)⁹; переход прапермского **o* (**o* и **o*) в удмуртское *у* (с. 319–321)¹⁰ др.

Тем не менее этим трудом Т. И. Тепляшина вплотную подошла к углубленному исследованию исторической фонетики исторической фонетики удмуртского языка. Дальнейшему продвижению ее в этом труднейшем направлении в языковедении было преостановлено неумолимым ходом Времени, которое в конечном счете не оставило шансов на выполнение благих намерений и далеко идущих планов исследовательницы...

Тамаре Ивановне Тепляшиной исполнилось 80 лет, и мы очень рады видеть ее, старейшую исследовательницу удмуртского языка, в наших рядах. Она уже отошла от лингвистической науки и занимается тем, чем может и к чему в данное время душа ее лежит – общественными, национальными и ветеранскими делами. Т. И. Тепляшина имеет на это полное право, ибо свое земное предназначение как исследователя

⁹ Время и причины протекания этого фонетического изменения подробно объяснены в работе [Кельмаков 1975а].

¹⁰ О сужении прапермского **o* в удм. *у* несколько более подробно см. [Бубрих 1929; 1948; Кельмаков 1978].

пермских языков она уже, по моему глубокому убеждению, выполнила с лихвой. Земной поклон Вам, дорогая Тамара Ивановна, за это!